

Глава 2. Храм Синчжи (2). Вторая госпожа Сяо

—

Что касается этого брака, когда отец договаривался о нём, Линь Цзыкую было четырнадцать лет. Он был несведущ в сердечных делах и совершенно не понимал, что такое женитьба.

В то время Линь Цзыкуй был полностью поглощён учёбой. В три года он уже осваивал классику, его называли одаренным; в семь лет он начал писать сочинения; в девять лет занял первое место на экзамене уезда, а в четырнадцать лет стал цзеюанем* в провинции Хуайнань!

[*Цзеюань (解元 jièyuán) - первый по списку сдавших экзамен на степень цзюйжэнь на провинциальном экзамене. Подробнее в конце главы.]

В таком возрасте его талант был поистине необыкновенным!

К сожалению, у него развилась болезнь глаз. На весенних экзаменах следующего года у Линь Цзыкуя внезапно возникла невыносимая боль в глазах. Экзаменационные вопросы он знал наизусть, но не мог писать.

Он провалил экзамены, ему было стыдно быть учеником Шаншу*, поэтому он вернулся в уезд Фэнтай в подавленном состоянии.

[*Шаншу (尚書, shàngshū) - это общий термин, обозначающий министра, может относиться к министрам различных ведомств, например Министерства чинов или Министерства обрядов, или любого другого.]

Господин Сяо тогда был всего лишь мелким чиновником седьмого ранга, но случайно разобрался с крупным делом и получил покровительство знатного человека, после чего вся его семья переехала в Цзиньлин.

Линь Цзыкуй остался в уезде Фэнтай, усердно учился, но его зрение становилось всё более размытым; он мог читать только вблизи. Врач запретил ему так нагружать глаза, поэтому он не мог постоянно учиться.

И тогда в его голове появились посторонние мысли.

Вторая дочь Сяо, на три года старше его.

Линь Цзыкуй не знал её имени, не видел её лица, но в голове представлял: какая она, его будущая жена? Каков её характер?

Болезнь глаз не отступала, отец водил его к разным известным врачам, но прошлой зимой внезапно заболел и умер.

Линь Цзыкуй выплакал все глаза и несколько месяцев был в беспамятстве. В этом году, разбирая старые вещи в доме, он нашёл запечатанное брачное соглашение, которое хранилось очень бережно.

В августе были опубликованы результаты осенних экзаменов, на улицах били в гонги и барабаны. Линь Цзыкуй слушал, как слуга читал ему книгу. Кто-то, проходя мимо его двери, окликнул его: «Господин Линь, цзюйжэнь».

Через несколько дней Линь Цзыкуй вместе с Мо Лю отправился в Цзиньлин.

Теперь, прибыв в храм Синчжи, он первым делом вошёл в главный зал и преклонил колени перед статуей Великого Вэньчана. Линь Цзыкуй опустил голову и увидел свой неопрятный вид, почувствовав глубокий стыд.

Затем молодой даос отвёл хозяина и слугу вглубь даосского храма, в уединённую гостевую комнату.

Над дверью этой гостевой комнаты висела небольшая табличка размером с ладонь, на которой вертикально были вырезаны три иероглифа: «Зал Очищения Сердца». Войдя, они оказались в небольшом дворике с двумя комнатами, внутренней и внешней. Под карнизом висели бамбуковые шторы, стоял стол из вяза. Солнечные пятна отражались на старом деревянном столе, словно струящаяся вода. Из светлой комнаты доносился аромат сандала.

Даос мягко сказал: «Это гостевая комната специально для учёных, готовящихся к экзаменам. Если вы остановитесь на несколько дней, храм Синчжи не взимает плату за проживание. Завтрак, обед и ужин подаются вместе с даосами. Можете оставаться сколько угодно. Сейчас в гостевой комнате редко бывают учёные. Господин Линь, для вас двоих, одного взрослого и одного ребёнка, ежедневная плата составляет двадцать монет».

Действительно дёшево!

Линь Цзыкуй вытащил деньги из рукава, думая, что если он расторгнет помолвку с дочерью семьи Сяо, то ему будет неудобно здесь жить, но... может быть, госпожа Сяо не вынесет его и вернётся в Цзиньлин?

Это весьма вероятно.

Линь Цзыкуй задумал остаться надолго, но, не зная, что будет дальше, смог заплатить только двести монет: «Мы со слугой пока остановимся на несколько дней, спасибо вам, даос. Как зовут даоса?»

«Господин, не нужно быть таким вежливым, меня зовут Линъюань».

Линь Цзыкуй огляделся, с трудом различая всю обстановку. Здесь не было ванной комнаты, но стояла ветхая бамбуковая ширма.

Он нерешительно спросил: «Осмелюсь спросить, даос Линъюань, есть ли в гостевой комнате ванна, и где можно нагреть воду? Я испачкал одежду, когда поднимался на гору, и мне нужно немного умыться. Завтра утром мне ещё нужно будет нанести визит настоятелю».

Даос Линъюань: «Господин Линь прибыл поспешно, поэтому пока не всё подготовлено. Сегодня в храме много дел. В восточной гостевой комнате живёт знатный человек, позже я принесу кое-что для вас. Если господин спешит принять ванну, можете пойти на заднюю гору, там есть несколько горячих источников».

Услышав это, Мо Лю приблизился к уху Линь Цзыкуя и сказал: «Господин, я видел мандариновые деревья на задней горе, пойдёмте!»

«Хорошо... Тогда спасибо, даос Линьюань».

Линь Цзыкуй опустил свой сундук для книг, осторожно вынул кисти, тушь, бумагу и чернильницу, а книги положил на стол.

Вскоре даос Линьюань принёс чистое постельное бельё, бамбуковую циновку, два чистых серых даосских халата и немного еды. Линь Цзыкуй снова поблагодарил его много раз.

Он был человеком добросердечным, скромным и мягким, казалось, что над ним может издеваться кто угодно.

Линьюань оставил некоторые указания и ушёл. Было уже за полдень, Мо Лю клонило в сон, но он помнил о мандаринах. Линь Цзыкуй хотел принять ванну: «В таком виде, не говоря уже о поклонении Великому Вэньчану, даже встретить вторую госпожу будет слишком неоправданно».

Мо Лю, борясь со сном, зевнул и взял лекарство: «Пойдёмте, господин, на заднюю гору».

На задней горе было несколько дорог, но так как по ним редко ходили, они были хуже, чем на передней.

Линь Цзыкуй шёл, следуя звуку текущей воды, поднимаясь по ступеням. Мо Лю по дороге набрал полную охапку мандаринов, ел их на ходу, а увидев у дороги небольшой алтарь божества земли, даже попросил своего господина поклониться ему.

Двое шли полторы палочки благовоний*, пока наконец не увидели горячий источник, скрытый за рядом зелёных бамбуков.

[* 一炷香, yī zhù xiāng «одна палочка благовоний» — 30 минут. Палочка благовоний — время, необходимое для того, чтобы сгорела палочка благовоний. Завязано на традиции медитации буддийских монахов, когда каждая медитация длилась 30 минут (время сгорания стандартной палочки благовоний).]

Линь Цзыкуй протянул руку и попробовал воду — она была немного горячее, но недостаточно, чтобы обжечься.

Мо Лю достал пакетик с лекарством: «Господин, пора наложить лекарство».

Тонкий пакетик с лекарством был выписан Линь Цзыкую врачом, для внутреннего и наружного применения. Лекарство накладывалось на веки, и его нужно было снять через два часа.

«Доктор сказал, что во время купания, когда пар поднимается, лекарство впитывается быстрее», — сказал Мо Лю, ловко завязывая Линь Цзыкую чёрную повязку, закрывая ему глаза.

Мо Лю, обняв мандарины, зевнул и сел на камень сзади.

Наступила темнота. Линь Цзыкуй сказал: «Мо Лю, твоя одежда тоже грязная, не хочешь постираться?»

«Я? Мне некуда спешить, господин, вы мойтесь». Мо Лю подумал, что он не такой чистолюбивый, как его господин, к тому же господин стеснителен, любит мыться один и не любит, когда кто-то рядом.

Линь Цзыкуй уступил ему. Хотя его глаза были завязаны, и он ничего не видел, чувства были обострены. Он снимал с себя одежду слой за слоем, пока не остался нагим, и кожа его остыла от ветра.

Он тихо зашипел, присел на землю и, как слепой, медленно вошёл в воду. Одна нога нащупала дно пруда, затем опустилась другая, и, наконец, он медленно погрузился в слегка горячий источник. Вода постепенно поднялась до талии, живота, груди...

Над водой остались только чистые ключицы и гладкие плечи.

Хрупкий учёный Линь Цзыкуй не знал, что на другой стороне источника находится мастер боевых искусств по имени маркиз Динбэй, который неторопливо наблюдает, как он раздевается и погружается в воду, не двигаясь и не издавая ни звука.

Его глаза были подобны цветкам персика, от природы полные нежности и улыбки, но, несмотря на это, немногие называли его дружелюбным.

Сяо Фу взглядом медленно скользнул от нижней части лица Линь Цзыкуя, которая не была скрыта, к смутно видимой части под водой.

Этот слепец совершенно не видел его.

Сяо Фу лениво прислонился к каменной стене, подперев щеку одной рукой, и наблюдал за ним.

Линь Цзыкуй, уставший от дороги, тоже зевнул, откинул голову и прислонился к холодному камню. Он привык к повязке на глазах за эти три года, и уже не чувствовал себя так беспомощно, как вначале. Горький аромат трав витал в воздухе. Линь Цзыкуй произнёс: «Мо Лю?»

«Господин..., что случилось?»

«Ничего, просто спрашиваю, не уснул ли ты случайно. Мы пришли из Цзиньлина, жили под открытым небом, ты такой маленький, и так намучился со мной, я очень переживаю. Я обязательно сдам императорский экзамен следующей весной... Тогда тебе больше не придётся страдать».

При упоминании о сдаче экзаменов Мо Лю сразу же оживился.

«Следовать за господином — это удача для Мо Лю! Господин учил меня читать и писать, дал мне имя, а ещё привёз меня из уезда Фэнтай в Цзиньлин. Мои родители рано умерли, господин. Господин для меня как отец!»

«...»

Линь Цзыкуй беспомощно сказал: «Мо Лю, я всего на четыре-пять лет старше тебя, откуда у меня мог появиться такой большой ребёнок».

«Тьфу-тьфу, Мо Лю ошибся, господин — мой старший брат. Но если господин и вторая госпожа Сяо поженятся, то скоро у вас будут дети».

Линь Цзыкуй покачал головой: «Этот брак с второй госпожой Сяо, определенно, не состоится».

«Почему не состоится? Если в следующем году, весной, господин сдаст императорские экзамены на высший балл, получит благосклонность Его Величества, заняв первое место и

станет чиновником в кабинете министров! Посмотрите тогда, пожалеет ли чиновник Сяо из Министерства доходов! Он непременно сам придет, чтобы вы и вторая госпожа завершили свадьбу».

«Не говори ерунды».

«Я знаю, что вы говорите, господин, я всё помню. Но здесь, в глуши, не в Цзиньлине, Мо Лю не врёт, этот чиновник Сяо, разве он не сноб...»

Линь Цзыкуй покачал головой: «Во-первых, сдать экзамены на высший балл так же трудно, как подняться на небеса, это не так просто, как ты говоришь».

«Но вы, господин, могли писать в три года, сочинять стихи в семь, и в четырнадцать стали цзеюанем. Старая поговорка гласит: золотой цзеюань, серебряный цзиньши. Если бы не внезапная болезнь глаз, вы бы уже три года назад сдали на высший балл!»

Линь Цзыкуй не обратил внимания на его слова и продолжил: «Во-вторых, мы с второй госпожой никогда не виделись и не испытываем друг к другу никаких чувств. Я приехал в храм Синчжи, чтобы встретиться с ней, потому что не мог встретиться с господином Сяо. Я подумал, что нужно откровенно поговорить со второй госпожой, прояснить ситуацию с этим браком. Люди говорят, что я ищу выгоды, но это не так. Если она захочет расторгнуть помолвку, я разорву брачное соглашение и никогда об этом не упомяну. Об этой давней истории никто не узнает, и это не повредит её репутации».

Мо Лю вдруг понял: «Да, вторая госпожа на три года старше господина. Если в будущем мой господин сдаст императорский экзамен на чжуаньюань*, то вас может выбрать принцесса и вы станете её мужем... Тогда пусть этот брак не состоится! Нам всё равно!»

[*Чжуаньюань (狀元, zhuàngyuán) – дословно: «образец для подражания во всём государстве», обладатель лучшего результата среди получивших первую степень на императорском экзамене – цзиньши.]

Пар клубился, Линь Цзыкуй почувствовал, что вода слишком горячая, лекарство действовало, обжигая глаза.

Линь Цзыкуй слегка приподнялся, и его покрасневшая от горячей воды грудь появилась над поверхностью, он посмеялся над ним: «Маленький, но такой умный. Мне не нужна ни дочь семьи Сяо, ни принцесса».

Когда он смеялся, на левой щеке появлялась маленькая ямочка, добавляя нотку очарования к его утончённой и необычной натуре.

Слуга снова спросил: «Тогда кем хочет быть господин?»

«Настоящий муж должен помогать миру, искоренять зло и поддерживать слабых! Хотя сейчас в Поднебесной царит мир, нынешний император жесток и беззаконен, не считается с мнением народа, он действительно...» — тут голос Линь Цзыкуя постепенно стих.

Даже Мо Лю не расслышал и спросил: «Что сказал господин?»

«Ничего». Если бы кто-то услышал, это было бы равносильно смертному приговору.

Бамбуковые листья падали на его волосы, Линь Цзыкуй протянул руку, потрогал и снял два листа. Казалось, их было ещё больше, он наклонил голову и погрузил волосы в воду.

В тумане ему показалось, что он чувствует чей-то пристальный взгляд.

Но он ведь только что проверил, никого здесь не было.

Наверное, это было заблуждение, он не придавал этому значения.

Но этот взгляд становился всё более и более настойчивым, настолько настойчивым, что его нельзя было игнорировать! Услышав шум текущей воды, Линь Цзыкуй почувствовал лёгкое беспокойство и лёгкое головокружение от купания, поэтому он быстро встал и сказал: «Мо Лю, мне нужно одеться, не смотри на меня».

Линь Цзыкуй повернулся спиной, на его теле ещё висели капли воды, стекая по спине, поясице и ягодицам. Линь Цзыкуй согнул ноги, совершенно нагой, и нагнулся, чтобы поднять чистую одежду, сложенную на камне.

Но он был с завязанными глазами, перепутал одежду и долго мучился. Мо Лю предложил ему помочь, но Линь Цзыкуй не разрешил: «Отвернись, не смотри на меня, я слепой, а не калека».

Слово «слепой» он особо выделил.

Хотя Линь Цзыкуй был добродушным, иногда он бывал упрямым. Мо Лю был его служкой*, а не его служанкой, и он не должен помогать ему одеваться.

[* Здесь используется слово 仆, shùtóng – не слуга в общем понимании этого слова, а служка, прислуживающий в кабинете ученого, в библиотеке, в школе; книжный слуга.]

«О». Мо Лю подумал, что тот просто стесняется, и тайком взглянул, про себя отметив, что кожа его господина необычайно бела и безупречна. Он постоянно сидел дома и читал, и, кроме нескольких мозолей на пальцах, остальная кожа была гладкой, как крем.

Неудивительно, что учёные в академии за спиной называли его красавцем.

Линь Цзыкуй оделся, опёрся на плечо Мо Лю и, пройдя большое расстояние, тихо спросил: «Ты только что видел кого-нибудь ещё в источнике?»

Мо Лю широко раскрыл глаза: «Я только что смотрел, никого не было!»

Лицо Линь Цзыкуя немного помрачнело: «Ты внимательно смотрел?»

«Я...» Мо Лю покачал головой: «Не очень внимательно... Господин, вы кого-то заметили?!»

«Кажется, кто-то был... поэтому я тогда остановил тебя, не давая смотреть». Даже когда выходил из воды, громко предупредил.

Мо Лю почувствовал, как по его коже пробежали мурашки: «Тогда почему господин не сказал ничего? Тот человек был мужчиной или женщиной?»

«Не знаю. Если женщина... она бы, увидев мужчину, закричала, или, возможно, увидев меня слепым, не осмелилась бы издать звук, притворяясь, что её нет; но если мужчина...» Линь Цзыкуй начал недоумевать: «Тогда почему он так пристально смотрел на меня?»

Мо Лю: «Что тут говорить, просто извращенец!»

—

• Цзюйжэнь (解人, jiě rén) — обладатель второй степени, присуждаемой на экзамене провинциального уровня раз в три года.

- Цзеюань (解元, jiè yuán) — цзюйжэнь с лучшим результатом.

- Хуэйюань (会元, huì yuán) — цзюйжэнь с лучшим результатом по итогам предварительных экзаменов.

- Гунши (贡士, gòng shì) — цзюйжэнь, прошедший этап предварительных экзаменов.

—

<http://bllate.org/book/14420/1274645>